

С. Р. Шигапов

Нравственность выше закона? Церковный суд и Николай I в делах об участии духовенства в крестьянских восстаниях 1826 г.

УДК 94(470)+271.2-745-9:348(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2022_4_300
EDN UHDOVG

Аннотация: История церковного суда Русской Православной Церкви привлекает все большее внимание исследователей, при этом свои выводы историки и специалисты по церковному праву делают на основе анализа законодательных норм, регулировавших его деятельность. В отличие от этого, в данной статье предлагается подход, опирающийся на анализ судебной практики и правоприменения. Практика показывала, что решения светских и духовных судов могли не совпадать, оставаясь в рамках принятых процедурных норм. Хотя юрисдикция церковного и светских судов отличались, они нередко были вынуждены разбирать одинаковые случаи и, сталкиваясь с одними реалиями, переживали процессы трансформации. Участие духовенства в волнениях крестьян 1826 г. заставило государство и Церковь переосмыслить некоторые принципы судопроизводства. В результате формальное доказывание вины начинает постепенно уступать место исследованию нравственности и благонадежности клириков. Выработка новых норм привела к пересмотру оснований церковно-судебной системы в целом. Изменение правовой практики показывает общие для трансформации церковных и светских судов подходы нового политического курса Николая I, ориентированного на надзор за порядком и нравственностью в обществе. Данное исследование основано на материалах архива Святейшего Синода – высшей апелляционной инстанции, рассматривавшей спорные случаи в следственных делах о проступках духовенства в 1820-е гг.

Ключевые слова: история Русской Церкви, Николай I, церковный суд, Святейший Синод, православное духовенство, русское крестьянство, обер-прокурор.

Об авторе: **Савелий Рустамович Шигапов**

Аспирант Факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге.

E-mail: shigapovs94@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3037-4316>

Для цитирования: Шигапов С. Р. Нравственность выше закона? Церковный суд и Николай I в делах об участии духовенства в крестьянских восстаниях 1826 г. // Христианское чтение. 2022. № 4. С. 300–309.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2022

Saveliy R. Shigapov

Is Morality above the Law? The Ecclesiastical Court and Nicholas I in the Cases of the Clergy's Participation in Peasant Uprisings of 1826

UDK 94(470)+271.2-745-9:348(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2022_4_300
EDN UHDOVG

Abstract: The Ecclesiastical Court of the Russian Orthodox Church attracts more researcher's attention, but most works focus on legal dimension. The author offers an approach based on trial practice. Although the ecclesiastical and secular courts' jurisdiction were different, they often investigated the same cases. The parish clergy's participation in rural rebellions of 1826 led the state and the church to formulate new legal criteria. It would be different judgments of secular and ecclesiastical institutions. As a result, the formal proof of guilt begins to gradually give way to the study of the morality and trustworthiness of clerics. The development of new norms led to a revision of the foundations of the church-judicial system as a whole. The change in legal practice shows the approaches common to the transformation of ecclesiastical and secular courts of the new political course of Nicholas I, focused on the supervision of order and morality in society. This study is based on materials from the archives of the Holy Synod, the highest court of appeal, which considered controversial cases in investigative cases about the misconduct of the clergy in the 1820s.

Keywords: Russian Church history, Nicholas I, ecclesiastical court, Holy Synod, orthodox clergy, Russian peasantry, Ober Procurator.

About the author: **Saveliy Rustamovich Shigapov**

Postgraduate Student at the Faculty of History, European University at St. Petersburg.

E-mail: shigapovs94@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3037-4316>

For citation: Shigapov S. R. Is Morality above the Law? The Ecclesiastical Court and Nicholas I in the Cases of the Clergy's Participation in Peasant Uprisings of 1826. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 4, pp. 300–309.

Изучение церковного права в отечественной науке не только имеет богатую дореволюционную традицию, но и подразделяется на современном этапе на различные направления [Дорская, 2018]. Заметный вклад вносят коллективы, объединяющие исследователей этих направлений в рамках научных центров. К примеру, с 2019 г. на базе Санкт-Петербургской духовной академии функционирует «Общество изучения церковного права им. Т. В. Барсова» (т.н. Барсовское общество), в рамках которого разрабатывается широкий спектр вопросов, связанных с изучением данной области. Традиционно большое внимание уделяется и историческим исследованиям. И если определенные периоды уже получили освещение в литературе, как, например, древнерусский [Гайдено, 2020] или позднеимперский [Волужков, 2019; Балакай, 2020; Белякова, 2004], то эпоха Николая I еще остается малоизученной. Важность второй четверти XIX в. для истории церковного суда сложно переоценить, поскольку именно в это время закрепляются положения (Устав Духовных Консисторий 1841 г.) и практики (например, формальное доказательство), которые будут подвергаться критике со стороны церковной интеллигенции и духовенства во второй половине XIX – начале XX вв., в рамках дискуссий 1870-х гг., а также Поместного Собора 1917–1918 гг.

С другой стороны, нельзя не отметить растущий интерес исследователей как к изучению вопросов церковного правоприменения и судопроизводства в Российской империи [Минева, 2020; Павлушков, 2014; Матвеева, 2014], так и к отдельным судебным казусам [Андрощук, 2018]. Зачастую авторы вынуждены поддерживать имманентную логику, согласно которой церковный суд и история Церкви развиваются по своим законам и едва ли не изолированно от развития правовых идей и общих процессов в политической и социальной сферах. Анализ правоприменения, напротив, показывает, насколько тесно они были связаны на практике. Изучение специфики церковного судопроизводства в широком политическом контексте, с учетом тесной связи Церкви и государства, их взаимного влияния и взаимодействия, позволит расширить наше представление о Российской империи как о «конфессиональном государстве», где на уровне принятия управленческих решений довольно сложно было определить границу религиозного и светского [Фирсов, 2021, 126, 380].

В данной статье мы покажем, как развивалась практика церковного суда в 1820-е гг. в контексте политических событий в Российской империи и изменения курса государства. Исследование основано на материалах следственных дел о проступках духовенства из архива Канцелярии Святейшего Синода. Выбор данной категории дел неслучаен. Церковные и светские суды действовали отдельно, но иногда занимались рассмотрением похожих дел, сферы их компетенции не были четко разведены. Так происходило в случае причастности духовенства к крестьянским восстаниям. Тогда духовные лица подвергались уголовному суду за государственное преступление, но и Церковь была вынуждена реагировать на это.

Несмотря на процессы сословного замыкания духовенства в XVIII–XIX вв., оно продолжало оставаться неотъемлемой частью общества. В социальном измерении связь между целыми поколениями духовенства и деревней была настолько сильной, что создавала особые отношения между крестьянами и священством, порождая взаимную зависимость и общие интересы [Бернштам, 2007, 87–96]. Трудное материальное положение, зависимость от прихожан и образ жизни, близкий к крестьянскому, во многом приближали белое приходское духовенство к своей пастве [Фирсов, 2021, 143]. С другой стороны, император, представители высшей бюрократии, обер-прокурор и члены Святейшего Синода могли иметь схожие точки зрения на определенные социальные процессы «внизу». Не только Церковь могла подвергаться этатистскому влиянию, но и государство было способно перенимать взгляды Церкви на общество, как это подчеркивал еще И. К. Смолич [Смолич, 1996, 21–22]. Как показывают разные случаи, сам монарх, как персона светская и сакральная одновременно, мог принимать активное участие в решении церковных вопросов [Шигапов, 2021]. При этом, как справедливо замечает Л. В. Выскочков, Николай Павлович придерживался строго

прагматического взгляда на Церковь, которую рассматривал в качестве механизма решения важных общественных задач [Высочков, 2006, 183].

Хороший пример тому — его реакция на крестьянские выступления, произошедшие в 1826 г. из-за распространения среди народных масс слухов о скором освобождении помещичьих крестьян [Высочков, 2006, 207]. В восстаниях начала царствования Николая I определенное участие принимали представители духовенства, что не могло поощряться ни государственной властью, ни церковной. Степень вовлеченности отдельных лиц могла варьироваться, чаще всего даже не подразумеваемая открытого выступления против власти помещика. Можно привести один характерный пример. Весной 1828 г. Московская Консistorия расследовала дело о «подстрекательстве» крестьян против своей помещицы Наумовой дьячком Федором Федоровым из Троицкой церкви села Ратманово Богородского уезда. Выяснилось, что крепостные обратились к московскому генерал-губернатору кн. Д. В. Голицыну с жалобами. Дьячок же, вызванный на допрос в Консistorию, «показал, что по просьбе крестьян писал им прошение с выражением неудовольствия на помещицу». В этом и заключался весь проступок [Резолюции, 1904, 26]. Подобная история не выглядит уникальной. Известно, что еще в 1760-е гг. духовенство подверглось серьезному внушению со стороны властей за написание крестьянских челобитных. Будучи неграмотными, сельские жители обращались за помощью к местному церковному причту, члены которого, в глазах администрации, тем самым становились едва ли не главными руководителями неповиновения [Знаменский, 2003, 510–511]. В 1767 и 1781 гг. появились отдельные указы, запрещающие служителям Церкви даже малейшим образом способствовать протесту крестьян, пусть это и не соучастие в прямом насилии, а всего лишь подача жалобы. Однако запрет не помог избежать новых эксцессов с участием духовенства уже в начале следующего, павловского царствования [Знаменский, 2003, 515].

Действия подмосковного дьячка в 1826 г. получили аналогичную трактовку: по мнению властей, написанием жалобы он одобрял крестьян к выступлению против своего владельца. Постановление московского митрополита Филарета (Дроздова) было суровым: исключить дьячка Федорова из духовного звания, отослать в губернское правление и «дальнейшее рассмотрение касательно обнаруженного здесь поступка его предоставить тому же начальству» [Резолюции, 1904, 26].

Уже в последние годы правления Александра I чиновники новообразованного Министерства духовных дел стремились дать церковному суду новый стройный порядок. Император обратил внимание на некоторые поступки духовенства, которые казались ему безнравственными. Это привело к изданию в 1823 г. «Правил судопроизводства о преступлениях, в церкви учиненных духовными лицами» [Кондаков, 2003, 236]. Заметим, что названные нормы касались только происшествий, имевших место внутри храмов, и не касались, например, случаев гражданской активности духовенства. Во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. проявлялась вполне четкая тенденция: государственные постановления относительно суда над духовенством всегда следовали как ответная реакция на конкретные события. В данном случае импульс развитию права давали волна челобитных в 1760-е гг., участие в крестьянских выступлениях в 1796 г., а также служебные проступки служителей в 1818–1823 гг., попавшие в поле зрения монархов.

Аналогичная ситуация повторилась уже в годы Николая I и привела, как мы увидим, к формированию новых принципов в церковно-судебной практике. В 1826 г. в разных губерниях снова произошли крестьянские бунты, в которых местной полицией было усмотрено участие духовных лиц [Шигапов, 2021, 321]. Едва ли есть основания трактовать эти события в политическом смысле, приписывая Церкви роль «антикрепостнического» института. Как известно, церковная иерархия в целом поддерживала охранительный курс самодержавия в этом вопросе [Фирсов, 2021, 117–118]. Следовательно, вполне уместно рассматривать соучастие сельского духовенства в церковно-дисциплинарном ключе, как это делали Консistorия и Синод.

В предыдущей нашей работе [Шигапов, 2021] мы уже обращали внимание на громкий случай, произошедший через два месяца после событий на Сенатской площади в селе Плещеево Ярославского уезда [Шигапов, 2021, 322–323]. В 1821 г. владелец волости князь Н. С. Гагарин уехал за границу, оставив управление некоему отставному капитану Капшелю. Управляющий резко усилил трудовую нагрузку на местных крестьян, что привело к упадку хозяйств и выступлению протеста. События зимы-весны 1826 г. легли в основу очерка «Плещеевский бунт», созданного рукой ярославского поэта и краеведа Л. Н. Треволева [Треволев, 1877, 162–168].

Ситуация в Плещеевской волости обострялась несколько раз. Крестьяне отказывались работать, писали жалобы в губернию и готовились подать прошение в Петербург. Из определенных источников губернатору А. М. Безобразову стало известно, что одним из вдохновителей неповиновения являлся местный приходской священник Михаил Филиппов. С согласия Консистории последний был отстранен от служения, а позднее арестован за подстрекательство крестьян к восстанию. Положительных результатов подобная мера не дала: «народ, жалея своего пастыря, выразил свое горе слезами. Многие кричали: „Прощай, батько, молись за нас!“». Беспорядки были подавлены военной силой, а к суду Уголовной палаты было привлечено 213 человек, из которых 16 человек были высланы на поселение в Сибирь, 37 человек получили наказание плетью и 2 человека — кнутом [Треволев, 1877, 162–168; Федотов, 2002, 27–30]. Сочувствие о. Михаила к положению крестьян было понятно: в местной церкви он почти 20 лет прослужил диаконом, прежде чем в 1822 г. был рукоположен в священнический сан [РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257. Л. 8–8 об.]. К сожалению, дальнейшая судьба клирика оказалась неизвестна ярославскому краеведу.

Следственное дело в архиве Канцелярии Святейшего Синода проливает свет на дальнейший ход событий. На место прибыл сам губернатор Ярославской губернии в сопровождении местного благочинного и «разных чиновников». В ходе допросов крестьяне показали, «что оный священник по прошению их в показанное ими время, отслужив в церкви их молебн Святому Архистратигу Михаилу для избавления их от умножившейся в здешнем приходе болезни и от тяжких работ Господских, когда они по отпуске подходили к Животворящему Кресту, советовал некоторым из них стоять заодно». Крестьяне дали клятву идти до конца и требовать свободы от крепостной зависимости и перехода в казенное состояние [РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257. Л. 1–1 об.].

О происшествии стало известно императору Николаю Павловичу, который через обер-прокурора дал Синоду более четкие указания: «предать означенного священника суду, и содержать его, до окончания о нем дела, в отдаленном монастыре» [РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257. Л. 2]. В результате преосвящ. Авраам (Шумилин), архиепископ Ярославский и Ростовский, получил из Петербурга указание не проводить самостоятельного следствия. По мнению правительства, серьезность ситуации требовала, чтобы о. Михаил Филиппов «немедленно предан был суду Гражданского Правительства, и до окончания о нем дела содержан был в каком-либо отдаленном монастыре под строгим надзором настоятеля, дабы ни словесного, ни письменного не мог иметь сношения с крестьянами, в возбуждении коих оказывается виновным» [РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257. Л. 3 об.–4]. Следовательно, власти подозревали его не в случайном содействии, которое произошло по незнанию и без злого умысла. Управляющий Министерства внутренних дел В. С. Ланской также указывал в докладе императору, что священник «оказался виновным в возбуждении крестьян к неповиновению» [РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257. Л. 2].

Расследование дела затянулось с мая до ноября 1826 г., когда Ярославская уголовная палата доложила Консистории о результатах расследования. Подозрения властей подтвердились. Из допросов крестьян, отзыва управляющего именем и личных показаний подсудимого священник «обнаружился виновным в том, что знав о безрассудном и преступном намерении прихожан своих отстать от Господского управления в ожидании свободы, вместо отклонения их от оногo, по долгу звания своего

как пастырю, при первоначальном еще случае сам сделался сильнейшей причиной их возмущения, ибо отправление им молебна с целью противоположной духу Христианского Учения, внушение со стороны его, чтобы крестьяне стояли заодно и целование ими при том случае креста в виде присяги, довело их до совершенного упорства и ожесточения против Правительства и подвергло по суду одних телесному наказанию и удалению в Сибирь на поселение, а других неминуемому по отлучке из домов разорению, помещика же крайнему расстройству и чувствительным убыткам» [РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257. Л. 5 об.]. Интересно, что в глазах суда крестьяне и помещик превратились из сторон конфликта в жертв недалековидности священника. Именно он, считали в уголовной палате, стал виновником столь тяжелого конфликта, придав волнениям символическое значение (чему способствовал отслуженный им молебен).

Несмотря на отягчающие обстоятельства, приговор палаты был достаточно мягким, и она потребовала только запретить его в служении и исключить из духовного звания. Возможно, в гражданском ведомстве о. Михаила ожидали более серьезные последствия, но об этом материалы дела умалчивают. Более того, в процесс вмешался вице-губернатор, указавший, что 22 августа 1826 г. в свет вышел Всемиловейший манифест по случаю коронации императора Николая I. Согласно документу, все чиновники и служащие, находящиеся под следствием по делам, не касающимся убийства, разбоя, грабежа или лихоимства, должны были быть освобождены от суда. Палата прекратила расследование и передала свое мнение Консistorии о том, что священника следует всего лишь перевести в другой приход, подальше от Ярославского уезда, во избежание будущих волнений [РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257. Л. 5 об.–6].

К сожалению, история священника с. Плещеево на этом не закончилась. Ярославская палата была не единственной инстанцией, уравнившей священно- и церковнослужителей с чиновниками, проходящими по делам о должностных преступлениях. Как показывает статистика, всего за период 1826–1829 гг. во всей империи было освобождено от следствия по Манифесту 1133 лица духовного звания [РГИА. Ф. 796. Оп. 110. Д. 509. Л. 171]. Уже тогда у Николая I и Св. Синода стали возникать сомнения в правильности такого порядка. Вопрос состоял в трактовке совершенных деяний, находящихся на пересечении гражданской и религиозной сферы.

Ограничения на действие Всемиловейших манифестов в церковно-дисциплинарных делах были вызваны (точнее сказать, возобновлены) в связи со случаем, произошедшим в Гайдарской слободе Воронежской епархии в 1826 г. При не вполне известных обстоятельствах местный диакон Петров нанес увечья «до крови» дьячку Кольцову. Конфликты в сельской среде не были редкостью, но этот инцидент произошел не в случайном месте, а в алтаре местной церкви. Дело было передано на суд Консistorии. Выяснилось, что за диаконом числится также незаконное изъятие денег у церковного старосты и поход «с жителями в кабак для пьянства» [РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 1012. Л. 198]. Однако начавшееся в августе дело было прекращено в связи с появлением Всемиловейшего манифеста, и диакон был освобожден от суда. На рапорте секретаря Воронежской Консistorии обер-прокурору от 19 ноября 1826 г. карандашом на полях сделана отметка, принадлежащая, насколько можно судить, руке самого обер-прокурора П. С. Мещерского: «Указом покойного Государя Императора Александра Павловича 1823 года не велено подводить бесчинные поступки, учиненные в храмах, под Милостивый Манифест, о чем, взяв справку в Канцелярии Синода, предложить Святейшему Синоду, дабы как посему, так и впредь предписать Преосвященным по указу сему поступать» [РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 1012. Л. 199–199 об.].

Согласно справке, указом Александра I от 5 декабря 1818 г. происшествия в храмах нельзя подводить под действие Всемиловейшего манифеста 1814 г. Получив донесение о закрытии дела воронежского диакона, Синод «встретил сомнение, не следует ли сообразно указу 5 декабря 1818 г. оставлять действию правосудия подобные происшествия, бывшие до Манифеста 22 августа 1826 г., не подводя их

под прощение, сим Манифестом даруемое» [Полное собрание, 1915, 129]. Заседатели поручили обер-прокурору получить разрешение императора на данное решение. Согласно названию доклада князя Мещерского к государю от 30 января 1827 г., прощение касалось уже не только конкретного дела, но общего порядка судопроизводства: «О встретившемся сомнении, подводить ли дела по бесчинным поступкам в церкви под всемилостивейший манифест». На что от Николая I последовала краткая, но утвердительная резолюция: «совершенно справедливо; и отнюдь не подводить под Манифест подобных случаев» [РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10027. Л. 5 об.]. Все три стороны процесса — монарх, архиереи и обер-прокурор — были убеждены в правильности принимаемого решения. Постановление, касавшееся воронежского диакона, было распространено на все епархии.

Таким образом, практика зародилась еще во второй половине александровского правления, однако оказалась особенно востребованной во времена Николая Павловича. Преемственность его политики в отношении православия уже подчеркивалась исследователями [Фирсов, 2021, 67–68]. Уже в конце декабря 1826 г. последовал рапорт из той же Воронежской консистории относительно дела священника Алексея Рудинского (слобода Казинка, Павловский уезд), который в день Пасхи из-за конфликта с местным диаконом не допустил последнего к служению литургии, а потом и вовсе остановил праздничное богослужение «к соблазну прихожан». Через два месяца в Консистории получили Манифест, и священник был освобожден от всех обвинений. На полях рапорта Мещерский сделал замечание: «Поставить на вид Г-ну Секретарю, что не следовало за такое преступление подводить под Милостивый Манифест, потому что это запрещено указом» [РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 1012. Л. 200–200 об.]. Принятое решение стало вводиться на практике повсеместно.

Важно заметить, что изначально ограничения касались только происшествий, имевших место внутри храмовых зданий, поскольку такие случаи граничили с нарушением общественного порядка и в прежние времена принадлежали светскому суду и надзору полиции. Поэтому принимаемые во времена Александра I меры не выглядели экстраординарными. Однако с 1827 г. сфера действия этих норм постоянно расширяется, как можно увидеть из материалов судопроизводства. Весной 1827 г. в Сенате слушалось дело дворянина Шиманского, обвиняемого в отравлении, по предварительномуговору, мужа одной крестьянки. Собрание вынесло обвинительный приговор, однако освободило виновного от церковного покаяния по силе Всемилоостивейшего манифеста. Государственный Совет утвердил мнение Сената, отменив только последнюю меру. Причина объяснялась следующим образом: «ибо Всемилоостивейший Манифест на те случаи, где дело идет не о наказании, а об очищении совести, распространяем быть не может». Николай Павлович одобрил данное решение [Полное собрание, 1915, 162–163].

Вернемся к делу священника Михаила Филиппова из с. Плещеево Ярославского уезда. Уголовный суд прекратил разбирательство. Именно здесь становится видна граница духовного и светского правосудия, проведенная Синодом. Заседатели признали, что в силу Всемилоостивейшего манифеста священник Михаил освобожден от ответственности и может оставаться в священническом сане. Однако в глазах Церкви проступок имел и другое измерение, которое привело к приговору. Своими действиями, как рассудил Синод, «подал он сомнение в *доброй нравственности*... [и] для испытания в нем оной и самого поведения его, послать по усмотрению Преосвященного в монастырь на год; и ежели в продолжение времени окажется он достойным звания Священнослужителя», то вернуть к должности в другой приход [РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257. Л. 11 об.]. 15 февраля 1827 г. вышло повеление Николая I не освобождать клириков от ответственности в силу Манифеста, а уже 28 февраля обер-прокурор обратился к Синоду с предложением возобновить следствие по плещеевскому делу [РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257. Л. 13–13 об.].

На этот раз Синод не имел оснований не вынести более суровый вердикт. Священник, и так уже находившийся под надзором в монастыре, был приговорен

к лишению сана и исключению из духовного звания для приписки к податному сословию. Поскольку дело проходило под личным контролем императора, ему был представлен экстракт, который был утвержден только в конце 1829 г. [РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257. Л. 22 об., 31]. Вот как звучал приговор: «Хотя поступок священника Михаила Филиппова, рассматриваемый с одной стороны как *проступление гражданское*, действительно, подходит под Всемиловивейшее прощение, Высочайшим Манифестом 22 августа 1826 года даруемое; но с другой, как происшедший *в церкви* и учинен пастырем и *служителем Олтаря Господня*... показывая чрез то явно в себе самом *мятежный дух, неуважение* к храму Божию и худую его *нравственность*, сколько предосудительную для священнического сана, столько и вредную для паствы, не может подведен быть под силу сего Всем. Манифеста» [РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257. Л. 23 об.–24 об.].

Не может не удивлять первоначальное решение Синода. Священник был освобожден от наказания по довольно тяжкому государственному преступлению, которое во времена Николая I явно выделяется в сравнении со всеми прочими, — участие в народных волнениях, бунт и неповиновение властям. Правительство, которое выносило приговоры по делам декабристов, всего через несколько лет будет решать судьбу польских мятежников, а в последующие десятилетия вводить жесткий полицейский надзор и цензуру, расценило о. Михаила Филиппова как достойного прощения. Однако духовное начальство все равно вынесло свой приговор — и довольно суровый (год в монастыре) — клирику, подавшему сомнения в своей благонадежности. Это, несомненно, показывает ощутимую автономию церковного суда по отношению к уголовному. Оправданный за тяжкие государственные преступления клирик мог не избегнуть наказания по линии Церкви.

С другой стороны, события 1820-х гг. показывают совпадение логики правительства и синодального ведомства в области наказания за общественные деяния. В деле о. М. Филиппова Синод явно показывает, что отсутствие формальной вины не отменяет того, что поведение священника не соответствовало высоте духовного сана. Такого же мнения, только уже на уровне всей империи, придерживался Николай I. Обер-прокурору, с подачи монарха, пришлось даже обратиться за справками к событиям предыдущего правления (1818–1823 гг.), чтобы дать новым нормам законную силу. Решение Синода было принято еще до официального признания Манифеста недействительным в делах о проступках духовенства. После него окончательный приговор отражал уже общую логику духовных и светских властей. Следствие, длившееся несколько лет, было окончено не в пользу о. Михаила. За годы разбирательства через кабинеты Консисторий, Синода и самого государя императора прошли сотни дел; успели измениться принципы судопроизводства и подход государственной власти к церковно-судебной сфере. Практики применения Всемиловивейшего манифеста 1826 г. к делам о клириках и случай свящ. Михаила Филиппова свидетельствуют, что в области церковного суда происходят бурные изменения, начатые Правилами 1823 г., но тесно связанные даже с событиями второй половины XVIII в.

Церковный суд, как известно, отличался заметной терпимостью в отношении священнослужителей, уличенных в проступках, ожидая исправления в их поведении и назначая наказания только в крайних случаях. Однако решения Александра I и Николая I о наказаниях за безнравственные поступки вполне вписываются в политические воззрения обоих монархов в 1820-е гг. Задача укрепления общественного порядка привлекла внимание Николая Павловича еще в самые первые годы царствования [Высочков, 2006, 142–143]. Олицетворением правительственного курса, практически символом эпохи, стало III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии во главе с А. Х. Бенкендорфом, боровшееся с беспорядками и должностными злоупотреблениями [Высочков, 2006, 147–149]. Борьба за нравственность как основу государственного строя станет одним из главных мотивов николаевского правления [Фирсов, 2021,

127]. И Церковь, как важнейший институт поддержания нравственности, оказалась вовлечена в этот процесс уже в 1826 г.

Источники и литература

Источники

1. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257, 1012, Оп. 110, Д. 509; Ф. 797. Оп. 3. Д. 10027.
2. Полное собрание (1915) — Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 1: Царствование государя императора Николая I. 1825 (декабря 12) — 1835 гг. Пг.: Тип. 1-й Петр. трудовой артели, 1915.
3. Резолюции (1904) — Полное собрание резолюций Филарета, митрополита Московского: с приложением портрета / с предисл. и примеч. проф. И. Н. Корсунского и протопресвитера Московского Большого Успенского собора В. С. Маркова. М.: Журн. «Душевно-полезное чтение». Т. 2. Вып. 3. 1904.

Литература

4. Андросчук (2018) — *Андросчук В. В.* Семь грехов приходского священника: следственные материалы из архивов православных духовных консисторий (конец XIX — начало XX в). М.: Юриспруденция, 2018.
5. Балакай (2020) — *Балакай А., прот.* Дискуссия на Всероссийском Поместном Соборе 1917–18 гг. о духовном суде. Постановка проблемы // *Христианское чтение.* 2020. № 1. С. 82–89.
6. Бернштам (2007) — *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
7. Белякова (2004) — *Белякова Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004.
8. Волужков (2019) — *Волужков Д. В.* Профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии Т. В. Барсов о реформе духовного суда Русской Церкви (на материале статей в журнале «Христианское чтение» 1870–73 гг.) // *Христианское чтение.* 2019. № 1. С. 119–130.
9. Выскочков (2006) — *Выскочков Л. В.* Николай I. 2-е изд., доп. М.: Молодая гвардия, 2006.
10. Гайденко (2020) — *Гайденко П. И.* О праве суда над духовенством и монашеством на Руси (XI–XIII вв.). Постановка проблемы // *Христианское чтение.* 2020. № 2. С. 109–120.
11. Дорская (2018) — *Дорская А. А.* Церковное право как предмет научной дискуссии: основные направления изучения церковно-правовых вопросов в постсоветский период // *Христианское чтение.* 2018. № 1. С. 134–143.
12. Знаменский (2003) — *Знаменский П. В.* Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. СПб.: Коло, 2003.
13. Кондаков (2003) — *Кондаков Ю. Е.* Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб.: «Российская национальная библиотека», 2003.
14. Матвеева (2014) — *Матвеева Е. С.* Церковное судопроизводство Орловской губернии второй половины XIX — начала XX века. Орел: Изд-во Орловского фил. РАНХиГС, 2014.
15. Минеева (2021) — *Минеева Т. Г.* Церковное судопроизводство в Российской империи: монография / Т. Г. Минеева, В. Б. Романовская, И. В. Савченко. Чебоксары: Среда, 2020.
16. Павлушков (2014) — *Павлушков А. Р.* Проблема изучения правонарушений православного духовенства в отечественной историографии // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки.* 2014. № 2.

17. Смолич (1996) — *Смолич И. К.* История Русской церкви / Пер. с нем. М., 1996. Ч. 1.
18. Треволев (1877) — *Треволев Л. В.* Плещеевский бунт. (Эпизод из крестьянских волнений) // Древняя и новая Россия. 1877. № 10. С. 162–168.
19. Федотов (2002) — *Федотов В. Г.* Гагаринская вотчина // Возвращение к истокам. Краеведческие чтения. Вып. 1. Гаврилов-Ям, 2002. С. 23–33.
20. Фирсов (2021) — *Фирсов С. Л.* «Якорь спасения». Православная церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I. Очерки истории. Санкт-Петербургская духовная академия. СПб.: Изд-во СПбДА, 2021.
21. Шигапов (2021) — *Шигапов С. Р.* Блюститель правоверия: император Николай I в жизни Русской Православной Церкви // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 315–326.